

За спиной Хо Ци была крупная гнедо-чёрная лошадь, не его любимый скакун Цинман, но по её крепким конечностям всё же можно было понять, что это породистый скакун тысячи. В отличие от столичной знати, он редко пользовался каретой, чаще всего ездил верхом в одиночку и также действовал в одиночку. Но сейчас пара затуманенных глаз Ло Цинъяна прямо смотрела на него. Персиковые глаза и так были полны страсти и чувственности, к тому же юноша намеренно добавил нотку мольбы. В обволакивающей ночи и без того ясный голос юноши казался смягчённым, в нём проскальзывала нежная привязанность, когда он сказал: «Разве генерал не войдёт?» Даже закалённую сталь можно было бы превратить в покорную проволоку, так что, естественно, пришлось оставить прекрасного скакуна и подняться в карету.

Разве перед Ло Тяньчэном он был таким же?

Увидев, что Ло Цинъян вот-вот опустит занавеску, Хо Ци что-то быстро сказал следовавшему за ним слуге, державшему лошадь. Тот кивнул, не удержался и украдкой взглянул на склонившего голову и потупившего взор благородного красавца в карете. Он не знал, кто этот человек, но тот, кто вышел из дворца, безусловно, был знатного происхождения, и не подобало самовольно разглядывать его. Однако, привлечённый чистым и звонким голосом юноши, он не смог удержаться и тайком взглянул. Один только этот взгляд заставил его тайком покраснеть. К счастью, в это время было уже темно, и, вероятно, генерал ничего не заметит. Услышав приказание генерала, он, естественно, понял, что тот собирается оставить верховую езду и разделить благоухающую карету с красавцем внутри. Его обычно спокойное сердце вдруг вспыхнуло завистью к генералу. Но он был низкого происхождения, и даже взгляд был для него роскошью, так что теперь он мог лишь принять приказ и молча повести лошадь обратно в усадьбу.

Хо Ци вошёл в карету.

Кареты княжеского дома всегда были роскошными и расточительными, Хо Ци уже знал это. Сегодняшняя карета была ещё более изысканной и роскошной: не только внешне величественная и элегантная, запряжённая четвёркой гнедых лошадей, но и внутри украшенная резьбой с позолотой, тёмной медью и серебряной инкрустацией, ослепительно прекрасная. Даже маленькая грелка в руках Ло Цинъяна была инкрустирована разноцветными драгоценными камнями.

Увидев Хо Ци, Ло Цинъян боялся, как бы не выдать перед ним своё странное состояние, и тщательно размышлял, как ему сейчас следует вести себя. Вспомнив о дурном поведении мужчины в полдень — тот не только холодно к нему относился, но и дважды применял грубую силу, — он решил, что должен всё ещё сердиться на него.

Поглощённый своими мелкими расчётами, Ло Цинъян, впусив человека в карету, не только не подлил ему вовремя чаю, но и не заговорил с ним первым, лишь сжимая в руках грелку и опустив голову, так что Хо Ци тоже не видел его выражения. К такому крайне невежливому поведению Хо Ци тоже не придал особого значения.

Он думал: в полдень он вёл себя с ним непристойно, вечером поссорился с Ло Тяньчэном, сейчас тому, должно быть, тяжело на душе, так можно ли требовать, чтобы он встречал его с улыбкой?

Ничего, изначально это была его вина, Ло Цинъян имеет право сердиться на него, а игнорировать его — и подавно.

Всё же помня о следах на руке юноши, Хо Ци достал из-за пазухи маленькую изумрудно-

зелёную склянку и поставил на маленький деревянный столик посередине кареты. Звук лёгкого постукивания дном склянки по столу привлёк внимание Ло Цинъяна. Юноша, услышав звук, полуприподнял взгляд, мельком взглянул, затем поднял глаза на Хо Ци, в глазах мелькнула доля растерянности, словно у испуганного зверька.

Хо Ци вдруг тихо рассмеялся, подумав, что этот наследный князь и вправду очень забавен: в официальной обстановке он — наследный князь с высоким воспитанием, а наедине у него характер, словно у кошки — рассердившись, не желает с тобой разговаривать, видимо, нужно тщательно уговаривать, чтобы всё наладилось.

Ло Цинъян тоже не знал, почему Хо Ци смеётся. В растерянности он в следующий момент обнаружил, что сидевший напротив него Хо Ци пересел рядом с ним. Расстояние внезапно сократилось, они сидели почти вплотную, тело к телу. Чувствительный Ло Цинъян слегка отодвинулся назад, но вдруг Хо Ци схватил его за руку. В недоумении он услышал над головой несколько густой голос Хо Ци:

— Ладно, днём была моя вина, я извиняюсь перед наследным князем.

От движения Хо Ци от него распространился аромат. Этот аромат вился у самого носа Ло Цинъяна, словно он весь оказался окутан этим запахом. Ло Цинъян разбирался в благовониях, он почувствовал, что это запах нарда. Вероятно, поскольку нужно было присутствовать на вечернем банкете во дворце, слуги из дома Хо тоже окурили одежду Хо Ци благовониями.

Ло Цинъян слегка дёрнулся, желая освободить свою руку из-под захвата Хо Ци, но, подняв голову, увидел, что в уголках губ Хо Ци ещё таилась нерассеявшаяся улыбка.

Хо Ци всегда был безупречным человеком, долгая жизнь в армии делала его строгим и холодным. Если бы он ещё был в военной форме и с мечом на поясе, издали вызывал бы леденящий трепет, ощущение суровой жестокости. У такого человека выражения лица обычно очень скудные, не то что улыбки.

Ло Цинъян редко видел его улыбающимся. Даже давным-давно, когда он приходил к нему в усадьбу слушать забавные истории о Пинляне, он сам смеялся до упаду, а тот лишь смотрел на него пристальным взглядом.

Черты лица Хо Ци были очень хороши, в сочетании с аурой военного они могли считаться благородными и мужественными. Не ожидал, что такой человек, улыбаясь, обладает другим изяществом. Ло Цинъян не мог удержаться и взглянул ещё несколько раз, забыв даже о попытке вырваться. Хо Ци, казалось, почувствовал его взгляд, опустил глаза на него. При таком движении их лица оказались друг напротив друга, даже носы случайно соприкоснулись. Глаза Хо Ци вдруг стали тёмными и непостижимыми, следуя инстинкту, он своим высоким и прямым носом слегка потерлся о изящный кончик носа Ло Цинъяна. Ло Цинъян, смущённый этим дерзким действием, широко раскрыл глаза, ресницы непрерывно трепетали, словно взмахи бабочки, вызывая нетерпеливый зуд в сердце.

Первым сдался Ло Цинъян. Он отодвинулся назад, заморгал большими чёрно-белыми глазами, затем намеренно осмотрелся по сторонам — очевидно, сейчас ему было неловко и некуда было девать глаза. Юноша нарочно несколько раз кашлянул и спросил его:

— Над чем смеётся генерал?

— Естественно, над наследным князем.

Ответ Хо Ци оставил Ло Цинъяна без слов, и он снова спросил:

— Надо мной? Над чем?

— Перед Ваньэр наследный князь всегда ведёт себя как старший брат, не ожидал, что, рассердившись, вы подобны Ваньэр — нужно нежно уговаривать, чтобы гнев прошёл.

Говоря это, Хо Ци потянулся вдоль руки, чтобы взять Ло Цинъяна за руку, но тот, с пылающими от стыда щеками, уклонился:

— Что вы делаете, генерал?

— Естественно, обрабатываю рану.

Только что его сравнили с Цзян Вань, и теперь, если бы Ло Цинъян ещё позволил Хо Ци обработать ему рану из-за этого маленького следа, это показалось бы слишком жеманным. Поэтому он отказался:

— Уже не беспокоит. Я ведь не юная барышня из женских покоев, генералу не нужно чрезмерно беспокоиться, завтра уже исчезнет.

Сказав это, он снова почувствовал, что это не совсем уместно. Такое его поведение действительно казалось несколько жеманным. В конце концов, другой специально пришёл обработать ему рану, а теперь он даже не позволяет ему это сделать, да ещё и говорит недобрым тоном, словно тот навязывается, чтобы выразить заботу, а он не ценит этого. Это действительно несколько переходит границы!

Но в душе он явно не хотел такого.

Чем больше он так думал, тем сильнее в сердце Ло Цинъяна росло чувство вины перед Хо Ци. С тех пор как Хо Ци поднялся в карету, он, кажется, ни разу не показал ему доброго лица, а теперь ещё и отверг чужое доброе намерение. И всё это из-за шутивной догадки брата Нин Цина. Эх, и вправду... Если представить себя на месте генерала Хо, на душе, наверное, было бы неприятно.

Неожиданно Хо Ци снова внезапно приблизился к нему, рука тоже была мягко схвачена мужчиной. Ло Цинъян, поражённый его действием, отодвинулся назад, но в конце концов с досадой обнаружил, что спина упёрлась в перекладину кареты, отступить больше некуда. Он был вынужден поднять глаза и встретиться взглядом с Хо Ци. Полагая, что тот, несомненно, слегка раздражён его поведением, к его удивлению, в глазах Хо Ци не только не было ожидаемого Ло Цинъяном раздражения, но, наоборот, они были спокойны. Более того, Ло Цинъян даже прочитал в них немного знакомого чувства.

Такой взгляд, наполненный этим чувством, Ло Цинъян видел не раз: Ло Тяньчэн смотрел на него так, отец-князь смотрел на него так, покойная мать-наложница смотрела на него так — взгляд снисходительный, потворствующий, всегда заставлявший Ло Цинъяна чувствовать себя очень любимым. Только появление такого взгляда в глазах Хо Ци очень удивило его. Он подумал, что Хо Ци, должно быть, чувствует вину за свои действия в полдень, поэтому и смотрит так.